SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Мария Edgeworth) — английская писательница (1767–1849). Воспитанная отцом, ирландским помещиком и членом парламента, человеком оригинального ума, она выступила в литературе с «Essays on a practical education» (1798) и приобрела известность очерками ирландской жизни «Essay on Irish Bulls» (1802) и романом «Castle Rackrent» (1800). В 1804 г. ее «Belinda» и «Popular tales» вызвали общий интерес своей простотой, противоположной тогдашней модной манерности. В «Modern Griselda» (1805), «Leonora» (1806) и «Tales of fashionable» (1809 и 1812, 6 т.) она расширяет круг своих наблюдений, давая картины светской жизни; в «Patronage» (1814) изображает противоположность между зависимостью от знати и нравственной свободой, условленной трудом; в «Harrington» (1817) борется с предрассудками против евреев; в «Ormond» (1817) вновь возвращается к ирландской жизни; в «Helen» (1834, русский пер., СПб., 1835) изображает различные степени порока. Большой известностью пользовались ее детские рассказы: «Early lessons» (1822-25). Романы Э. имеют явно дидактическую тенденцию, но отличаются жизненностью и непосредственностью наблюдений. Чтение ее произведений привело Вальтера Скотта к мысли дать художественное изображение своей родной Шотландии. Потеряв в 1817 г. отца, Э. закончила его воспоминания («Memoirs of Richard Lowell Edgeworth», 1820).

- Лиммерійскія перчатки
  - ○

Лиммерійскія перчатки (Повѣсть Гжи. Эджевортъ.)

Былъ воскресный день — колокола каѳедральной Герфортской церкви звонили къ проповѣди; на улицахъ толпились богомольные люди. Госпожа Гилль! Госпожа Гилль! Бетти! Бетти! готовы ли вы? Совсемъ почти отзвонили, мы опоздаемъ: развѣ забыли вы, что я церковный староста? — Такъ кричалъ господинъ Гилль, кожевникъ, стоя на послѣдней ступенькѣ лѣстницы, съ тростію и шляпою въ рукахъ, въ ожиданіи жены и дочери.

«Я готова, батюшка, сказала Бетти, проворно сбѣжавши съ лѣстницы. Она была такъ пріятна, такъ свѣжа и такъ хорошо одѣта, что отецъ, посмотрѣвши на нее, не могъ не улыбнуться, смягчилъ голосъ и только сказалъ, увидя, что она еще не надѣла перчатокъ: напрасно, мой другъ, ты останавливалась за перчатками, ихъ можешь надѣть дорогою.

„А по моему мнѣнію — сказала госпожа Гилль, которая тихо сходила съ лѣстницы, одѣтая въ праздничное платье, въ огромной соломенной шляпѣ съ ужаснымъ пунцовымъ бантомъ — и совсѣмъ не должно бы было ей надѣвать этихъ перчатокъ!

„Я не понимаю, — сказалъ господинъ Гилль почему эти перчатки находишь дурными. Перчатки какъ перчатки, лайковыя, бѣлыя. Но будемъ говорить объ этой матеріи послѣ. Пора къ обѣднѣ.

Господинъ Гилль подалъ женѣ и дочери руку — но Бетти еще не надѣла своихъ перчатокъ, а госпожа Гилль сердилась и била себя по носу опахаломъ.

«Знаю — ворчала госпожа Гилль — знаю, что всѣ мои слова считаются за ничто; но я умѣю разсуждать о вещахъ не хуже другихъ, а можетъ быть и лучше! напримѣръ, не я ли прошлаго году предсказала тебѣ, что нашу большую собаку украдутъ? не я ли первая замѣпила, что стѣны нашей каѳедральной церкви начинаютъ обваливаться? Тебѣ бы никогда не пришло въ голову объ этомъ подумать, хотя считаешься и старостою церковнымъ!»

- Но, ради Бога, разтолкуй мнѣ, какую связь имѣютъ Беттины перчатки съ большою нашею собакою и съ трещиною на стѣнѣ каѳедральной нашей церкви?

- Слѣпой человѣкъ! развѣ ты не примѣтилъ, что эти перчатки Лиммерикскія?

- Примѣтилъ, и всё еще тебя не понимаю, сказалъ господинъ Гилль, понизивъ голосъ — таково было его обыкновеніе, когда

супруга его начинала сердиться, и когда еще онъ самъ не вышелъ изъ терпѣнія.

- Странной человѣкъ! но развѣ ты забылъ, что Лиммерикъ городъ Ирландскій?

- Помню! —

Стало быть ты обрадуешься, когда наша каѳедральная церковь, въ которой ты староста, взлетитъ на воздухъ, и когда тотъ, кому удастся подорвать ее, женится на твоей дочери?

- Боже избави насъ отъ такого нещастія! воскликнулъ господинъ Гилль, перемѣнившись въ лицъ — онъ остановился, чтобы поправить парикъ свой, который съѣхалъ на правое ухо. Но, госпожа Гилль, продолжалъ онъ, я не вижу, что заставляетъ васъ имѣть такое подозрѣніе?"

- Не видишь? не видишь? мало ли чего ты не видишь, другъ мой! Ты только другихъ умѣешь называть зѣваками или слѣпыми! Прошлаго году я же тебѣ совѣтовала беречь нашу большую собаку — но ты меня не послушалъ! То же будетъ и съ гсерковью.

- Душа моя, божусь Богомъ, не понимаю ни одного твоего слова; Говори яснѣе, прошу тебя!"

- Яснѣе? Бетти можетъ говоришь съ тобою яснѣе. Спроси, отъ кого получила она перчатки?

"Отъ кого, Бетти?"

"Батюшка! меня подарилъ ими господинъ Бріанъ О'Неиль! отвѣчала Бетти? потупивъ глаза и закраснѣвшись.

"Ирляндской перчаточникъ?" воскликнулъ отецъ съ ужасомъ.

"Что скажешь теперь? Обманулась ли я, или нѣтъ? спросила госпожа Гилль.

"Сей часъ сними эти перчатки, Бетти! Я видѣлъ твоего Бріана одинъ только разъ въ жизни, но право не могу его терпѣть: онъ Ирландецъ. Говорятъ тебѣ, сними перчатки!"

"Но, батюшка, я не взяла съ собою другихъ.

"У меня есть въ запасѣ шелковыя, восклиннула госпожа Гилль, вынимая изъ кармана старинныя шелковыя перчатки, съ прорѣзанными пальцами, замаранныя и чрезвычайно широкія.

"Но скажите, батюшка, развѣ Ирландецъ не можетъ быть честнымъ человѣкомъ? спросила Бетти.

Господинъ Гилль не отвѣчалъ ни слова.

Они пришли въ церковь. Теперь не время думать объ Ирландцахъ и Англичанахъ, шепнула госпожа Гилль на ухо своей дочери; помни, что тебѣ надобно, сидя въ церквѣ, показывать людямъ, что ты дочь церковнаго старосты.

Не почитаемъ за нужное говоришь о тѣхъ коварныхъ насмѣшкахъ, которыя были сказаны молодыми сосѣдками на счетъ старинныхъ Беттиныхъ перчатокъ. Господинъ Гиллъ, какъ

церковный староста, пошелъ послѣ проповѣди осматривать проломъ, о которомъ говорила ему жена: онъ нашелъ въ фундаментъ церкви скважину, величиною въ кулакъ, и небольшую трещину, на которую долго смотрѣлъ въ размышленіи, потирая лобъ и нюхая табакъ; между тѣмъ госпожа Гиллъ прохаживалась по кладбищу и хвасталась передъ сосѣдками, что не позволила своей дочери носить перчатокъ Ирляндской фабрики.

Бетти пошла домой, будучи очень печальна, и не понимая, какъ можно ненавидѣть человѣка единственно потому, что онъ Ирляндецъ, и отъ чего мать ея говорила такъ много о пропавшей собакѣ и проломѣ въ стѣнѣ церковной. Не ужли, думала Бетти, воображаешъ она, что господинъ Бріанъ О'Неиль укралъ собаку, или что онъ имѣетъ намѣреніе подорвать каѳедральную церковь? Въ эту минушу она поравнялась съ развалинами одного дома, которыя напомнили ей, что она увидѣла господина Бріана въ первый разъ во время пожара, въ которомъ онъ оказалъ многимъ нещастнымъ великія пособія. Она вспомнила также, что давно не посѣщала вдовы Смитъ, у которой сгорѣлъ домъ, и которая отъ бѣдности дила въ тѣсной лачугъ, Бетти имѣла въ карманѣ ефимокъ; она хотѣла заплатить за билетъ въ театръ, но рѣшилась пожертвовать имъ вдовѣ Смитъ: пошла къ ней, и къ величайшему своему удивленію нашла въ домѣ ея господина Бріана О'Неиля.

Я думала, что ты одна, сказала Бетти, покраснѣвши. Господинъ Бріанъ поклонился ей. Бетти начала разговаривать съ госпожею Смитъ, вложила ей въ руку ефимокъ и ушла, давши слово посѣтить ее очень скоро опять. Господинъ О'Неиль, удивленный холоднымъ обращеніемъ Бетти, послѣдовалъ за нею.

Скажите, Бетти, не имѣлъ ли я нещастія сдѣлать что-нибудь для васъ непріятное? спросилъ онъ, смотря съ удивленіемъ на Беттины шелковыя перчатки.

Нѣтъ, сударь, я не имѣю ни права, ни причины сердишься на васъ! Но батюшка и матушка, не знаю почему, расположены къ вамъ очень дурно. Они запретили мнѣ надѣвать Лиммерскія перчатки, которыми вы меня подарили.

Но я надѣюсь, что любезная Бетти не перемѣнитъ своего мнѣнія о томъ человѣкъ, который привязанъ къ ней отъ всего сердца, единственно потому, что ея родители, безъ всякой причины, перестали быть къ нему благосклонными.

Но я еще не имѣю никакого о васъ мнѣнія, господинъ Бріанъ: какъ же могу перемѣнишь его?

Вы познакомитесь со мною короче; вы отдадите мнѣ справедливость! Батюшка и матушка ваши разположены ко мнѣ дурно — это самое усиливаетъ во мнѣ желаніе заслужить вашу

любовь, а имъ доказать, что я не похожъ на многихъ изъ земляковъ моихъ, которые пріѣзжаютъ сюда только за тѣмъ, чтобы обманывать легковѣрныхъ женщинъ, имѣющихъ по нещастію богатое приданое. Теперь намѣреніе мое вамъ извѣстно, любезная Бетти — снимитежь, прошу васъ, эти смѣшныя перчатки и надѣньте мои! Я надѣюсь, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ это маловажное удовольствіе!

Вы слишкомъ многаго надѣетесь господинъ О'Неилъ! Я никогда въ угодность вамъ, не соглашусь противиться волѣ моихъ родителей.

Ахъ, Миссъ Бетти, воскликнулъ Бріанъ, могъ ли я вообразить, чтобы вы были такъ перемѣнчивы? Онъ удалился, сдѣлавъ ей низкій поклонъ.

Въ слѣдующій понедѣльникъ Миссъ Женни Браунъ, дочь парикмахера пришла навѣстить Бетти.

Не правда ли, что намъ будетъ очень весело? спросила она, входя въ комнату и бросая на столъ свою соломенную шляпку.

Отъ чего весело? спросила Бетти печальнымъ голосомъ.

Что съ тобою сдѣлалось? Ты очень грустна! развѣ тебѣ не позволяютъ ѣхать на балъ?

На какой балъ? спросила Госпожа Гилль съ любопытствомъ.

"Чудное дѣло! Но развѣ господинъ О'Неиль не присылалъ къ вамъ билета? Развѣ не получили вы Лиммерикскихъ перчатокъ?

"Какая связь между Лиммерикскими перчатками, билетомъ и баломъ?

Я вижу, что вы ничего не знаете! Господинъ О'Неилль при каждомъ билетѣ разослалъ по парѣ перчатокъ Лиммерикскихъ. Естьли Бетти не, поѣдетъ на балъ, то я увѣрена, что онъ откроетъ его со мною!

Черезъ полчаса Женни ушла. Госпожа Гилль и Бетти долго смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Нынче поутру, сказала Бетти, приносили ко мнѣ записку; но я не приняла ее, потому что адресъ подписамнъ былъ рукою Господина О'Неиля.

Надобно знать, что Бетти разсказала уже матери о встрѣчѣ своей съ господиномъ Бріаномъ послѣ обѣдни. Это перемѣнило нѣсколько ея мнѣніе на щетъ Ирляндца. Госпожа Гилль имѣла доброе сердце; главный порокъ ея состоялъ въ томъ, что она чрезмѣрно желала казаться проницательнѣе другихъ, Она мучилась мыслію, что Женни можетъ заступить, мѣсто ея дочери на балѣ; прежде она принебрегала привязанностію Господина О'Неиля къ Бетти, потому что была въ ней увѣрена; но теперь, вообразивъ, что сосѣдка ея, парикмахерова жена, можетъ выдать свою дочь за О'Неиля, начала смотрѣть на него совсѣмъ другими глазами.

Надобно объ этомъ подумать, Бетти, сказала госпожа Гилль. Въ той запискѣ, которую ты не приняла давича поутру, конечно приглашали тебя на балъ. Надобно ѣхать, Бетти, можно ли стерпѣть, чтобъ Женни открыла вмѣсто тебя балъ съ господиномъ О'Неилемъ. Я сама теперь начинаю думать, что онъ не бродяга Ирляндскій, что не онъ укралъ нашу собаку, что въ Церквѣ проломъ сдѣланъ не имъ, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія взорвать ее на воздухъ, и что наконецъ онъ заслуживаетъ вниманіе особенное, потому, что можетъ давать балы и при билетахъ разсылать Лиммерикскія перчатки. Послушай, Бетти, я позволяю тебѣ ѣхать на балъ въ перчаткахъ, подаренныхъ тебѣ Господиномъ О'Неилемъ. Мнѣ самой надобно повидаться съ его матеріею, которой я еще не заплатила визита. Мы увидимъ, будетъ ли танцовать вмѣсто тебя болтливая Женни. Теперь пойду къ твоему отцу — надобно у него спроситься.

Но Госпожа Гилль къ сожалѣнію своему скоро увидѣла, что супругъ ея крѣпко держался своего мнѣнія и непремѣнно хотѣлъ быть увѣренъ, что Господинъ Бріанъ похититель собаки, и заговорщикъ противъ каѳедральной его церкви. Онъ сообщилъ уже свои подозрѣнія тому клубу, въ которомъ былъ членомъ; одни увѣряли его, что онъ бредитъ; другіе — и большая часть — почитая невозможнымъ, чтобы Римской Католикъ могъ быть честнымъ человѣкомъ, соглашались, что Господинъ Бріанъ О'Неиль человѣкъ подозрительный; что онъ пріѣхалъ въ Герфортъ не извѣстно за чемъ; что у него множество денегъ, а откуда онъ ихъ беретъ, не знаютъ; и что наконецъ, необходимо должно имѣть надъ нимъ строгій надзоръ.

Господинъ Гилль, услышавъ о балѣ, тотчасъ сообразилъ, что онъ не иное что, какъ хитрая выдумка заговорщиковъ.

А! а! воскликнулъ Господинъ Гилль: этотъ Ирландецъ не глупъ! Онъ хочетъ усыпить насъ своими пирушками; онъ хочетъ насъ вздернуть на воздухъ въ ту самую минуту, когда мы будемъ заняты одними весельями. Хитрецъ! Но ему не удастся насъ обмануть! Я посѣдѣлъ старостою церковнымъ! Я спасу моихъ согражданъ отъ страшной опасности, имъ угрожающей! Слышишь ли, Ревекка? Запрещаю Бетти и думать о балѣ, запрещаю ей носить Лиммерикскія; перчатки, которыя подарилъ ей этотъ опасный заговорщикъ — прошу васъ обѣихъ дѣлать безъ всякаго прекословія то, что я почту необходимымъ; вѣрьте моей опытности, я въ этомъ дѣлѣ знаю гораздо болѣе васъ. — Госпожа Гилль возвратлась къ дочери, въ великомъ недоумѣніи, увѣренная рѣшительнымъ тономъ супруга своего, что заговоръ, ею самою выдуманный, точно существуетъ; она побѣжала къ сосѣдкамъ и разсказала каждой за тайну то, что было ей извѣстно о семъ

великомъ дѣлѣ.

Бетти покорилась безъ роптанія волѣ своихъ родителей, но въ сердцѣ ея была сокрыта нѣжная привязанность къ О'Неилю, который въ самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ достойный уваженія и любви. Вдова Смитъ прислала къ ней маленькую свою дочь, чтобы поблагодаришь за то пособіе, которое она, ей сдѣлала. Миссъ Луиза много разсказывала ей о Господинѣ Бріанѣ, который былъ чрезвычайно добръ и ласковъ и благодѣтельствовалъ имъ со времени ихъ нещастія. Бетти слушала съ удовольствіемъ похвалы О'Неилю; она пошла въ камодъ, вынула ленту и подарила ее маленькой Луизѣ. Лиммерикскія перчатки представились ея глазамъ — она вздохнула, сорвала съ горшка розу, ощипала листы, осыпала ими перчатки и накрыла ихъ бѣлымъ платкомъ.

Между тѣмъ Господинъ Гилль бесѣдовалъ съ важными политиками своего клуба — всѣ они согласно признались, что каѳедральной Герфортской церкви угрожаетъ опасность. Всѣ обстоятельства были приняты въ разсужденіе: этотъ балъ, на которомъ будутъ танцовать до упаду, эти перчатки, которыя раздаются даромъ при билетахъ, можетъ быть потому, что Господинъ Бріанъ не имѣетъ нужды ихъ продавать — все казалось столь подозрительнымъ, что развѣ одинъ сумасшедшій могъ бы не признать въ О'Неилѣ тайнаго непріятеля Англичанъ и Религіи, выдающаго себя за перчаточника Ирландскаго. Заключили, что всего безопаснѣе посадить его въ тюрьму — надлежало только найти законный предлогъ.

О'Неиль въ платежѣ долговъ своихъ не имѣлъ той строгой точности, какою отличаются обыкновенно Англійскіе купцы; онъ задолжалъ хлѣбнику и портному, и далъ имъ векселя на шесть мѣсяцевъ срокомъ. Эти векселя куплены были Господиномъ Гиллемъ; срокъ вышелъ, положено было задержать Господина О'Неиля, естьли онъ не будетъ въ состояніи заплатить деньги въ ту самую минуту, въ которую ихъ потребуютъ. — Повѣренный Господина Гилля приходитъ къ Бріану требовать платежа, но Бріанъ, будучи занятъ приготовленіями къ балу и удивленный, что видитъ въ чужихъ рукахъ свои векселя, сказалъ въ сердцахъ, что не имѣетъ ни шиллинга денегъ, и что ему не время теперь заниматься такимъ вздоромъ. Повѣренный пересказалъ Господину Гиллю слово отъ слова отвѣтъ Бріана.

Послѣ бала О'Неиль пошелъ провожать пѣшкомъ Миссъ Женни, парикмахерову дочь. Къ нему приближается человѣкъ, бьетъ его по плечу и говоритъ: государь мой, отъ имени Короля беру васъ подъ стражу!" — Врешь, бездѣльникъ! воскликнулъ Бріанъ: это плутни проклятаго Гилля! одинъ онъ способенъ обидѣть честнаго человѣка за такую малость! На улицѣ сдѣлался

страшный шумъ; множество народа столпилось вокругъ Бріана; Ирляндскіе работники хотѣли вступиться за своего земляка; началась было драка, но Бріанъ все успокоилъ своимъ благоразуміемъ; онъ послѣдовалъ за полицейскимъ, а между тѣмъ послалъ къ своей матери просить, чтобы она какъ можно скорѣе нашла за него поруку.

Госпожа О'Неиль тушила свѣчки, оставшіяся послѣ бала, когда пришли ей сказать о нещастіи, приключившемся ея любезному сыну. Не трудно, подумала она сыскать поруку между людьми, которые за нѣсколько минутъ веселились и танцовали въ моемъ домѣ: но танцовать и быть порукою великая разница. Госпожа О'Неиль узнала это на самомъ опытъ. Всѣ ея пріятели отказались отъ поручительства подъ разными предлогами. Что дѣлать? Скорѣе посылать къ ростовщику, закладывать вещи, платить тройные проценты — какъ бы то ни было, Господинъ О'Неиль, просидѣвъ часа два въ городской тюрьмѣ, получилъ опять свободу, но онъ не подозрѣвалъ, что его брали подъ стражу для того единственно, чтобы возпрепятствовать ему взорвать на воздухъ каѳедральную церковь. Возвращаясь домой и идучи мимо церкви, онъ увидѣлъ прохаживающагося около ограды человѣка. Который часъ? спросилъ онъ у незнакомаго — Три часа! отвѣчали ему, и, слава Богу, еще не показывался ни одинъ непріятель!

Господинъ Бріанъ воспользовался даннымъ ему урокомъ; дабы пріобрѣсть общую довѣренность, рѣшился онъ себя ограничить и жить скромно, такъ какъ прилично простому перчатошнику; опытъ доказалъ ему, что добрые друзья никогда не платятъ худыхъ долговъ.

На другое утро господинъ церковный староста проснулся съ веселымъ духомъ и тотчасъ побѣжалъ въ церковь служить благодарный молебенъ: ибо онъ по Христіанскому смиренію, относилъ къ милосердію Бога успѣхъ свой въ уничтоженіи козней общаго врага. Онъ согласился вмѣстѣ съ другими членами клуба завести ночный караулъ около: каѳедральной Церкви, а между тѣмъ собрать всѣ нужныя свѣденія и доказательства, чтобы обвинить въ судѣ заговорщика.

Исполнивъ то, чего требовало отъ него званіе человѣка государственнаго, пошелъ онъ на кожевенный заводъ осматривать свои магазины — но кто изобразитъ его удивленіе! двери магазина были изломаны; кожи разтасканы и разбросаны, а въ магазинъ все приведено было въ страшный безпорядокъ. Это Бріанова шутка! воскликнулъ Господинъ Гилль; сей часъ иду въ судъ! Онъ побѣжалъ къ своему стряпчему, чтобы посовѣтоваться съ нимъ, какъ подать прозьбу на О'Неиля, но стряпчаго не было въ городѣ, и Господинъ Гилль принужденъ былъ возвратиться

домой. Дорогою размышлялъ онъ о томъ, какъ бы начать и удачнѣе кончить новую свою тяжбу; а между тѣмъ разчитывалъ въ головѣ убытокъ, претерпѣнный имъ отъ потери кожъ.

Господинъ Гилль имѣлъ весьма порядочный аппетитъ. Желудокъ его всегда согласенъ былъ съ солнечными часами. Онъ безошибочно узнавалъ время обѣда, а за обѣдомъ ѣлъ очень много и очень долго, за что весьма не рѣдко ссорилась съ нимъ его супруга. "Мнѣ стыдно сидѣть съ тобою за столомъ, когда у насъ гости — говорила она ему почти каждой день — ты имѣешь такой безпутный аппетитъ, что люди глядя на тебя, творятъ молитвы. Я бы совѣтовала тебѣ никогда не садишься за столъ натощакъ, чтобы наконецъ не прослыть обжорою!" — Господинъ Гилль замѣтилъ послѣдній совѣтъ благоразумной своей супруги, и согласуясь съ нимъ, всякій день передъ обѣдомъ заглядывалъ на кухню, дабы приготовить себя къ столовому бдѣнію порядочною частію говядины. И въ этотъ день, въ который случилась въ магазинѣ его такая разстройка, посѣтилъ онъ по обыкновенію своему кухню: повариха разговаривала съ дѣвкою о славномъ ворожеѣ Бамфильдѣ, который жилъ въ сосѣдственномъ лѣсѣ съ цыганами. Господинъ Гилль подслушалъ сей разговоръ, и разсудилъ за благо употребить его въ свою пользу. Онъ возвратился въ столовую съ важнымъ лицемъ и такъ былъ разсѣянъ во время обѣда, что Госпожа Гилль нѣсколько разъ принуждена была ему сказать: что съ тобою сдѣлалось? Отъ чего ты такъ задумчивъ? Въ первые отъ роду забываешь то, что у тебя на тарелкѣ.

Госпожа Гилль, сказалъ церковный староста, прошу васъ вспомнить, что любопытство праматери вашей Евы погубило весь человѣческій родъ. Будетъ время, и все узнаете; но въ ожиданіи сего времяни воздержитесь, прошу васъ, отъ всѣхъ вопросовъ. Женьщины неспособны постигать слѣдствій. Что я знаю, то знаю; что думаю, то думаю; что говорю, то говорю, Бетти, мой другъ, ты хорошо сдѣлала, что не носила перчатокъ Лиммерикскихъ: дѣла наши принимаютъ точно такой оборотъ, какой я предсказывалъ.

Послѣ обѣда господинъ Гилль разтянулся въ большихъ своихъ креслахъ и захрапѣлъ. Во снѣ представились ему каѳедральныя церкви, которыя одна за другою взлетали на воздухъ. Человѣкъ, имѣвшіи въ рукахъ множество Лиммерикскихъ перчатокъ, зажигалъ порохъ, кожи были разбросаны по полю и плавали по поверхности озера; пропавшая собака его, вообразивъ, что это бараньи котлеты, бросалась за ними въ воду и ловила ихъ зубами; онъ кричалъ на собаку; бросалъ въ нее камнями; но вдругъ собака оборотилась въ ворожею Бамфильда, который подошелъ къ нему съ важнымъ

лицемъ и подавая плеть, воскликнулъ громкозвучнымъ голосомъ: этою плетью должно высѣчь Бріана О'Неиля на большой площади Герфортской! Господинъ Гилль хотѣлъ броситься на колѣна передъ Бамфильдомъ; но онъ загремѣлъ со стула, и крѣпко ударился плѣшивою головою объ стѣну. Это движеніе пробудило его.

Онъ началъ разсуждать о таинственномъ видѣніи, которое представилось ему во снѣ, и рѣшился посѣтить ворожею Бамфильда.

На другой день рано поутру отправился онъ въ цыганскій станъ. Бамфильдова хижина находилась въ самой густотѣ лѣса. Господинъ Гилль вошелъ въ нее съ трепетомъ сердца.

"Знаешь ли ты, сказалъ онъ Бамфильду, одного подозрительнаго Ирляндца, именемъ О'Неиля, живущаго въ Герфортѣ?

"Какъ не знать!"

Чтожь ты о немъ скажешь?

"Что это весьма подозрительный Ирляндецъ."

Правда твоя! Не онъ ли укралъ мою собаку, которая стерегла кожевенные магазины?

"Онъ!"

Не онъ ли разтаскалъ мои кожи?

"Кому жъ другому?"

А проломъ въ стѣнѣ каѳедральной церкви не имъ ли сдѣланъ?

"Боже мой! точно имъ!"

Съ какимъ намѣреніемъ?

"Съ такимъ намѣреніемъ, котораго сказать нельзя."

Но мнѣ сказать можно! Я церковный староста. Кому же и знать, какъ не мнѣ, что нашу каѳедральную церковь хотятъ подорвать порохомъ? А?

Бамфильдъ отвѣчалъ:

Церковный староста, повѣрь,
Дотоль не знать тебѣ покою,
Пока Ирландскій этотъ звѣрь;
Встрѣчаемъ будетъ здѣсь тобою!

Сіи пророческіе стихи рѣшили сомнѣніе Господина Гилля; онъ простился съ Бамфильдомъ и побѣжалъ въ городъ, въ намѣреніи пожаловаться на Бріана Герфортскому Меру.

Во время бесѣды Господина Гилля съ волшебникомъ стоялъ у дверей хижины одинъ Ирландскій ремесленникъ, который также имѣлъ небольшую претензію на будущее, и желалъ

посовѣтоваться съ премудростію Бамфильда. Этотъ добрый человѣкъ, именемъ Падди, пользовался благодѣяніями О'Неиля. Онъ услышалъ, что въ хижинѣ произносили имя его покровителя, началъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ и не потерялъ ни одного слова изъ разговора. "Это не колдунъ, а обманщикъ! подумалъ онъ, услышалъ, что Бамфильдъ называлъ О'Неиля раззорителемъ кожевеннаго магазина. Падди имѣлъ неоспоримую причину такъ думать, ибо онъ самъ съ товарищами, въ отмщеніе за обиду, нанесенную Гиллемъ Бріану, разбросалъ кожи, находившіяся въ магазинѣ. Вообразивъ, что глупость, имъ сдѣланная, можетъ причинить вредъ его покровителю, онъ побѣжалъ въ Герфортъ, созвалъ товарищей и началъ вмѣстѣ съ ними опять приводить въ порядокъ разбросанныя кожи. По нещасітю они слишкомъ понадѣялись, что въ Герфортѣ, въ глухую полночь, всѣ люди спятъ, ибо въ ту самую минуту, въ которую работа ихъ была приведена уже къ окончанію и Падди стоялъ на верху пирамиды, укладывая послѣдній рядъ кожъ; дозоръ у ходившій вокругъ каѳедральной церкви, увидѣлъ работниковъ и закричалъ; вотъ они! держите! Работники разбѳжались, но Падди былъ схваченъ и отведенъ въ караудьню.

"Хочу быть повѣшенъ — восклицалъ онъ дорогою — естьли впредь караульщики застанутъ меня за добрымъ дѣломъ! Въ этомъ мірѣ ничто хорошее не удается!

Герфорстскій Меръ, Господинъ Маршаль, былъ человѣкъ доброй характеромъ, проницательнаго ума и опытный; онъ зналъ въ тонкость судебные обряды. Въ Герфортѣ вошло въ пословицу: кто побывалъ въ домъ Господина Маршаля, тотъ возвращается къ себѣ добрѣе и наклоннѣе къ миру.

Господинъ Маршаль завтракалъ, когда ему доложили о прибытіи церковнаго старосты Господина Гилля.

"Милости прошу! сказалъ Господинъ Маршаль.

Добраго утра желаю вамъ! сказалъ Господинъ Гилль, входя и кланяясь. Худыя вѣсти въ городѣ, очень худыя! прибавилъ онъ съ важнымъ видомъ

"А я думаю напротивъ, Господинъ Гилль! Въ городѣ веселятся: третьяго дня былъ прекрасный балъ."

Тѣмъ хуже, Господинъ Маршаль! не всѣ люди способны видѣть слѣдствія, не всѣ проницаютъ во глубину вещей!

"Я съ вами несогласенъ — отвѣчалъ Господинъ Маршаль улыбаясь: — я говорю тѣмъ лучше! вмѣстѣ со всѣми людьми, которые, также какъ и я, не видятъ слѣдствій и не умѣютъ проницать во глубину вещей!"

"Прошу меня извинить, Господинъ Маршаль! Теперь не время смѣяться: естьли бы не я, то наша каѳедральная церковь

поднялась бы на воздухъ въ то самое время, въ которое весь городъ прыгалъ выпуча глаза, на этомъ проклятомъ балѣ!

"Это другое дѣло! Прошу васъ покорно объясниться, Господинъ Гилль!

И Господинъ Гиллъ объяснился.

"То, что вы говорите, конечно весьма важно, сказалъ Господинъ Маршаль, выслушавъ объясненіе Господина Гилля; но прошу объявишь мнѣ, какія средства употребили вы чтобъ получить такое подробное свѣденіе объ этомъ дѣлѣ?"

Это моя тайна, милоствой государь, но вамъ могу ее открыть безъ всякаго опасенія. Знайте же, что я говорилъ съ ворожеею Бамфильдомъ.

"А, понимаю! съ Бамфильдомъ! Позвольтежь, любезный Господинъ Гилль, поздравить васъ, что вы не успѣли еще обвинить судебнымъ порядкомъ Господина Бріана. Увѣряю васъ, что вы сдѣлались бы посмѣшищемъ всего города Герфорта.

Какъ посмѣшищемъ, Господинъ Маршаль? Спаситель каѳедральной церкви посмѣшище! Но я назову вамъ многихъ людей, которые совершенно согласны со мною.

"Но сказывали ли вы имъ, что вы совѣтовались съ ворожеею Бамфильдомъ?"

На что же мнѣ это сказывать?

И хорошо сдѣлаете, если не скажете, Господинъ Гилль! Онъ подошелъ къ окну, изъ котораго видѣнъ былъ весь кожевенный заводъ Господина Гилля. Это что? спросилъ онъ, указывая на кожи, которыя складены были по прежнему. Вы, кажется, увѣряли меня, что всѣ ваши кожи были разбросаны?

Кто можетъ изобразить удивленіе церковнаго старосты? Онъ протиралъ глаза, смотрѣлъ поперемѣнно то на Господина Маршаля, то въ окно, и самъ не понималъ, что съ нимъ происходило. — Кликнули Падди, который за часъ до Гиллеева прихода приведенъ былъ къ Господину Маршалю; онъ изъяснилъ церковному старостѣ, по какому чуду разбросанныя кожи опять явились въ томъ же мѣстѣ и въ прежнемъ порядкѣ.

Но собака моя? кѣмъ она украдена? восклицалъ Господинъ Гиллъ.

Едва ли не знаю я вора, сказалъ Падди.

"Кто онъ? Говори! Не уже ли въ самой вещи Господинъ Бріанъ О'Неиль?"

Нѣтъ, милостивый государь, я самъ не знаю, на кого подумать, но вотъ что случилось со мною въ ту самую ночь, въ которую бѣдный Господинъ Бріанъ былъ взятъ подъ стражу. Мать его меня посылала къ ростовщику занимать деньги. Я пришелъ къ нему въ самую полночь, разбудилъ мальчика, который, засвѣтивъ

свѣчку, оставилъ меня въ лавкѣ, а самъ побѣжалъ будить своего хозяина. Я между тѣмъ началъ разсматривать вещи, находившіяся въ лавкѣ, и между прочими замѣтилъ собачій ошейникъ съ серебряною бляхою, на которой вырѣзано имя Господина Гилля.

Это ошейникъ моей собаки! Четвероугольная большая бляха съ кольцомъ: не такъ ли?

"Точно такъ!"

Послали въ ростовщику — онъ признался, что получилъ ошейникъ отъ самаго ворожеи Бамфильда. Господинъ Гилль покраснѣлъ; онъ радовался внутренно, что не успѣлъ обвинить Господина Бріана въ судѣ; но самолюбіе. жестоко въ немъ страдало. Все это очень хорошо, Госпоинъ Маршаль — воскликнулъ онъ — но трещина въ стѣнѣ каѳедральной церкви? Это одно обстоятельство важнѣе тысячи; пока не объясню его совершенно, по тѣхъ поръ не могу имѣть хорошаго мнѣнія о вашемъ Ирландцѣ.

"Признайтесь, Господинъ Гилль, что вы все еще думаете о пророческихъ стихахъ ворожеи Бамфильда! но послушайте, естьли вы не хотите, чтобы я разсказалъ въ городъ о вашемъ легковѣріи, то согласитесь сдѣлаиь мнѣ удовольствіе. Можете ли вы, на примѣръ, забыть, что Господинъ Бріанъ Ирландецъ, естьли тайна церковнаго пролома удовлетворительнымъ образомъ для васъ объяснится?"

Думаю! И какая мнѣ до того нужда, что онъ Ирландецъ? Люди родятся тамъ, гдѣ угодно Богу: я совсѣмъ не изъ числа такихъ, которые твердо увѣрены, что все хорошее въ одной только Англіи. Честные люди водятся въ Ирландіи, какъ и вездѣ: Англичининъ, Ирландецъ, равно подданные Его Британскаго Величества. Но эта трещина, Господинъ Маршаль, эта трещина! что она значитъ?

"Но можете ли вы, Господинъ Гилль, оправдать несправедливое гоненіе противъ такого человѣка у который ни кому не дѣлаетъ ни малѣйшаго зла?"

Боже меня отъ этаго сохрани!

"Чтожь, естьли бы этотъ человѣкъ дѣлалъ еще и столько добра, сколько ему возможно?"

Ахъ, Господинъ Маршаль! трещина…

"Прошу васъ, Господинъ Гилль, взять на себя трудъ и навѣстить вмѣстѣ со мною вдову Смитъ, у которой недавно сгорѣлъ домъ! вы узнаете отъ нее, что такое Бріанъ О'Неиль."

Церковный староста и Господинъ Маршаль взяли шляпы и пошли ко вдовѣ Смитъ. Эта бѣдная женщина разсказала имъ, какъ много добра сдѣлали ей Бріанъ и Миссъ Бетти. Господинъ Гилль плакалъ. Онъ добрый, онъ честный человѣкъ! повторялъ онъ; но

эта трещина, Господинъ Маршаль, эта проклятая трещина!

"Дайте мнѣ слово, Господинъ Гилль, что завтра придете ко мнѣ обѣдать; у меня будетъ и Бріанъ — вы можете съ нимъ объясниться."

Господинъ Гилллъ не зналъ, что отвѣчатъ; онъ полюбилъ въ душѣ своей Бріана О'Неиля, но боялся быть осужденнымъ отъ своего клуба, въ которомъ всѣ головы занимались таинственнымъ проломомъ каѳедральной церкви; онъ еще молчалъ, когда вбѣжала въ горницу маленькая дочь вдовы Смитъ.

Ахъ, матушка! воскликнула она: я показывала одной знатной Госпожѣ мою мышь. Она сама кормила ее со мною всмѣстѣ.

Что за мышь? спросилъ церковный староста.

О, прекрасная тварь! я пріучила ея брать у меня изъ рукъ хлѣбныя крошки; она знаетъ мои голосъ; закричу: мышка! и бѣжитъ.

"Гдъ же эта мышь?"

Въ фундаментъ нашей каѳедралънои церкви:,

Господинъ Маршаль поглядѣлъ на Господина Гилля и улыбнулся.

Хочу ее видѣть, воскликнулъ церковный староста: покажи намъ твою мышь, дѣвочка!

Луиза повела Господина Маршаля и Господина Гилля къ каѳедральной церкви — и гдѣ же она остановилась? у самаго того пролома, на которомъ основаны были всѣ подозрѣнія на Бріяна. Мышка! мышка! закричала Луиза, и черезъ минуту увидѣла заговорщика, выходящаго изъ пролома въ образъ большой крысы. Господинъ Маршаль захохоталъ, и самъ Господинъ Гилль не могъ воздержаться отъ смѣху.

Завтра обѣдаю у васъ вмѣстѣ съ Бріаномъ, сказалъ Господинъ Гилль, подавая руку Господину Маршалю.

И на другой день враги примирились, за чашею пунша, въ домъ любезнаго миротворца Маршаля,

Бетти! сказалъ Господинъ Гилль возвратившись домой, позволяю тебѣ носить Лиммерикскія перчатки; а черезъ недѣлю поздравлю тебя женою Бріана О'Неиля. Слава Богу! каѳедральная церковь останется невредимою, а у меня будетъ прекрасный зять, честный человѣкъ, хотя Ирляндецъ.